Технократический нейтралитет: модель поведения России в региональных кризисах и ее издержки для российско-индийского партнерства

Боднар Игорь Игоревич
аспирант, кафедра государственного и муниципального управления, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, igorbodnar2013@yandex.ru

В статье проанализирована модель поведения России в региональных кризисах, затрагивающих проекты длительного цикла, обозначенная как технократический нейтралитет: отказ от поддержки сторон внутриполитического конфликта в пользу сохранения проектных обязательств перед государством безотносительно к характеру правящего режима. Модель проверена на двух случаях: политическом кризисе в Бангладеш 2024 года и взаимодействии России с Мьянмой. Показано, что российское поведение в обоих случаях идентично, тогда как последствия для отношений с Индией различаются. Установлено, что источником расхождения выступает не сама модель, а асимметрия интерпретационных рамок: расхождение возникает тогда, когда одна сторона рассматривает ситуацию через проектные обязательства, а другая через призму национальной безопасности. Предложен формат «2+1» как механизм выявления такой асимметрии до наступления кризиса.

Ключевые слова: технократический нейтралитет, управляемая дивергенция, российско-индийские отношения, Бангладеш, Мьянма, формат «2+1»

Введение

Внешнеполитическое присутствие России в Южной и Юго-Восточной Азии опирается преимущественно на проекты длительного цикла: сооружение объектов атомной энергетики, поставки и обслуживание вооружений, транспортную инфраструктуру. Обязательства по таким проектам принимаются на сроки, многократно превышающие срок деятельности правительств в странах-партнерах. Отсюда возникает практическая задача, регулярно встающая перед российской дипломатией: как действовать, когда в стране, где реализуется проект, меняется власть или оспаривается ее легитимность.

Задача осложняется присутствием третьей стороны. Значительная часть российских проектов в Южной Азии реализуется в государствах, которые Индия рассматривает как зону своих приоритетных интересов национальной безопасности. Решение российской стороны в такой ситуации оказывается адресовано не только стране реализации проекта, но и партнеру по стратегическому взаимодействию [2].

В настоящей статье выявляется модель, посредством которой российская сторона разрешает указанную задачу, и определяются условия, при которых применение этой модели порождает расхождения с Индией.

Цель исследования – выявление модели, посредством которой российская сторона разрешает задачу сохранения проектных обязательств в условиях внутриполитического кризиса в стране реализации проекта, и определение условий, при которых применение этой модели порождает расхождения с Индией.

Материалы и методы исследования. Сравнительный анализ двух случаев по методу контролируемого сравнения, анализ документов, институциональный анализ. Эмпирическую базу составили межправительственные соглашения, сообщения профильных отраслевых источников, материалы индийских аналитических центров и официальные заявления должностных лиц.

Результаты исследования. Статья содержит в себе несколько разделов. В первом разделе формулируется модель и проводится ее отграничение от смежных понятий. Во втором рассматривается политический кризис в Бангладеш 2024 года. В третьем рассматривается взаимодействие России с Мьянмой, выступающее контрольным случаем. В четвертом объясняется различие последствий двух случаев. В пятом предлагается механизм снижения выявленных издержек.

Модель технократического нейтралитета

Технократический нейтралитет определяется как модель поведения внешнего актора в ситуации внутриполитического кризиса в государстве, где этот актор реализует проект длительного цикла. Содержание модели составляют три элемента: продолжение исполнения проектных обязательств независимо от смены власти, поддержание рабочего контакта со всеми политическими силами, имеющими отношение к управлению страной и отказ от публичной оценки легитимности происходящего.

Модель следует отграничить от трех смежных понятий. От нейтралитета в международно-правовом смысле она отличается тем, что не предполагает воздержания от участия в конфликте между государствами: речь идет о внутриполитическом конфликте и о позиции внешнего экономического оператора. От невмешательства как принципа она отличается наличием положительного содержания: сторона не просто воздерживается от действий, а продолжает исполнять обязательства, что само по себе является формой присутствия. От внешнеполитического прагматизма как общей установки она отличается конкретностью основания: приоритет отдается не выгоде вообще, а сохранению актива с длительным сроком окупаемости.

Последнее различие требует пояснения, поскольку именно оно объясняет воспроизводимость модели. Проект с горизонтом в полтора-два десятилетия создает для внешнего актора набор интересов, в котором издержки приостановки работ превышают выигрыш

от любой политической позиции. Приостановка означает не отсрочку, а утрату вложенных средств, потерю позиции на рынке и репутационный ущерб, распространяющийся на другие проекты в других странах. Из такой структуры интересов следует предпочтение работать с государством как таковым, а не с конкретным правительством [13].

Существенно, что модель не является исключительно российской. Она характерна для любого актора, чье присутствие в стране опирается на активы длительного цикла, и далее будет показано, что индийская сторона также применяет ее в сходных обстоятельствах. Российской спецификой выступает не сама модель, а доля таких активов в структуре внешнеполитического инструментария: атомная энергетика и военно-техническое сотрудничество составляют основу российского присутствия в регионе, тогда как инструменты с коротким циклом развиты слабее [5].

Из данного определения становится возможным предположить, что, если модель воспроизводима, поведение российской стороны в разных кризисах указанного типа должно быть одинаковым независимо от характера режима, приходящего к власти, и от отношения к нему третьих сторон. Проверка данного утверждения проводится на двух случаях.

Бангладеш 2024: применение модели и возникновение расхождения

Политический кризис в Бангладеш 2024 года создал для России ситуацию, точно соответствующую описанным условиям. В стране реализуется сооружение атомной электростанции «Руппур» с двумя энергоблоками ВВЭР-1200 суммарной мощностью 2400 МВт, генеральный контракт по которому был подписан в 2015 году [1]. Смена власти в Дакке привела к приходу политических сил, отношения которых с Нью-Дели складывались конфликтно.

Российское поведение соответствовало модели по всем трем элементам. Работы на площадке не приостанавливались: к концу 2025 года станция готовилась к получению разрешения регулятора на пуск первого энергоблока, а в апреле 2026 года состоялся его запуск [1; 4]. Рабочий контакт с новым правительством был сохранен, включая согласование финансовых и временных рамок проекта. Публичная оценка смены власти российской стороной не давалась.

Индийская сторона исходила из иной постановки вопроса. Бангладеш рассматривается в Нью-Дели через категории национальной безопасности: протяженная сухопутная граница, приграничные штаты с собственными проблемами стабильности, вопросы миграции и трансграничной активности вооруженных групп. В такой рамке смена власти в Дакке представляет собой изменение параметров безопасности, а не изменение политического контекста реализуемого проекта [3; 5].

Расхождение возникло не из-за различия оценок событий, а из-за различия оснований, по которым эти оценки строились. Российская сторона решала задачу сохранения актива, индийская – задачу сохранения безопасности на границе. Обе задачи были решены каждой стороной успешно и независимо друг от друга, однако с индийской точки зрения российское поведение воспринималось как отказ от солидарности в ситуации, где такая солидарность ожидалась.

Отметим, что ожидание солидарности не имело под собой формального основания. Между Россией и Индией отсутствуют обязательства по безопасности, и ни один действующий документ не предусматривает согласования позиций по третьим странам. Ожидание опиралось на характер отношений, а не на их юридическое содержание, и именно поэтому его неисполнение не повлекло формальных последствий, но повлекло издержки в восприятии.

Дальнейшее развитие ситуации подтверждает результативность модели с точки зрения ее собственных задач. После парламентских выборов в Бангладеш в начале 2026 года период политической турбулентности завершился, а условия для продолжения двустороннего взаимодействия с Россией сохранились [4]. Актив, ради сохранения которого модель применялась, был сохранен.

Мьянма: контрольный случай

Взаимодействие России с Мьянмой предоставляет случай, в котором действуют те же условия, но отсутствует один элемент бангладешской конфигурации.

Условия совпадают. В Мьянме у власти находится правительство, легитимность которого оспаривается значительной частью международного сообщества. Россия имеет с этим правительством долгосрочные обязательства: 4 марта 2025 года в ходе государственного визита руководства Мьянмы в Москву было подписано межправительственное соглашение о принципах сотрудничества в области сооружения атомной электростанции малой мощности [6]. Проект предусматривает мощность станции 110 МВт с возможностью последующего расширения. Публичной оценки внутриполитического устройства страны российская сторона при этом не давала.

Модель применена в полном объеме и в конфигурации, более выраженной, чем в бангладешском случае: если в Бангладеш речь шла о продолжении ранее начатого проекта, то в Мьянме договоренности заключались заново, в отношении правительства с оспариваемой легитимностью.

Отличие состоит в позиции Индии. Индийская сторона в Мьянме руководствуется той же логикой, что и Россия. Мьянма представляет собой сухопутный коридор, связывающий индийские северо-восточные штаты с Юго-Восточной Азией, и через ее территорию проходят проекты, составляющие экономическое содержание индийской политики «Действуй на Востоке»: транспортно-транзитный проект Каладан и трехсторонняя автомагистраль Индия – Мьянма – Таиланд [7]. Индия поддерживала контакт как с военной администрацией, так и с оппозиционными структурами, воздерживаясь от резкой публичной критики, при том что ее приоритетами оставались управление границей, пресечение контрабанды оружия и наркотиков и продвижение проекта Каладан [9].

В конце мая – начале июня 2026 года состоялся государственный визит в Нью-Дели главы правительства Мьянмы, ставший его первой зарубежной поездкой после вступления в должность, и 1 июня прошли переговоры с индийской стороной [7; 10]. Обоснование индийского выбора формулировалось в тех же категориях, что и российское: транзитные маршруты проходят по территории, номинально подконтрольной центральному правительству, и отказ от взаимодействия означал бы приостановку стратегии региональной интеграции на неопределенный срок [10].

Расхождения между Россией и Индией по мьянманскому направлению не зафиксировано. Позиция российской стороны при этом не отличалась от бангладешского сценария ни по одному из трех элементов модели.

Объяснение различия: асимметрия интерпретационных рамок

Сопоставление двух случаев организовано как контролируемое сравнение. Российское поведение выступает постоянной величиной: в обоих случаях применена одна модель. Варьируется индийская позиция: в первом случае ситуация рассматривалась через категории национальной безопасности, во втором через категории проектных обязательств. Варьируется и результат: в первом случае возникло расхождение, во втором нет.

Отсюда следует вывод, уточняющий первоначальное предположение. Технократический нейтралитет сам по себе не является источником расхождений между Россией и Индией. Источником выступает асимметрия интерпретационных рамок: расхождение возникает тогда, когда одна сторона рассматривает ситуацию в третьей стране через проектные обязательства, а другая через категории национальной безопасности. При совпадении рамок применение той же модели последствий для двусторонних отношений не имеет.

Вывод объясняет наблюдаемое распределение расхождений в российско-индийских отношениях. Проблемные стороны сосредоточены не там, где российская политика наиболее активна, а там, где индийская сторона руководствуется вопросами безопасности: в непосредственном сухопутном окружении Индии и в вопросах, связанных с Пакистаном. Юго-Восточная Азия, где российское присутствие сопоставимо по интенсивности, источником расхождений не является [8; 11].

Вывод имеет и практическое следствие. Издержки применения модели возникают не из содержания российской позиции, которое остается неизменным, а из несовпадения рамок, о котором стороны узнают в момент кризиса. Ни одна из сторон при этом не меняет своего поведения: Россия не может приостановить проект, Индия не может отказаться от вопросов безопасности применительно к сопредельному государству. Управляемым является не выбор позиции, а момент выявления расхождения.

Указанное следствие определяет направление, в котором может быть найден механизм снижения издержек. Механизм должен

обеспечивать выявление асимметрии рамок до наступления кризиса, а не согласование позиций в ходе него.

Формат «2+1» как механизм выявления асимметрии

Формат «2+1» предполагает регулярные трехсторонние консультации с участием России, Индии и третьего государства, на территории которого обе стороны имеют интересы. Предлагаемое назначение формата отличается от назначения, обычно приписываемого трехсторонним площадкам: он предназначен не для выработки согласованной позиции, а для установления того, в какой рамке каждая из сторон рассматривает данное государство.

Различие существенно. Согласование позиций по третьим странам между Россией и Индией маловероятно и, по-видимому, не является достижимой целью: рамки сторон определяются их положением в региональной подсистеме, которое не подлежит согласованию. Достижимой целью выступает предсказуемость. Если обеим сторонам заранее известно, что данное государство рассматривается партнером в иной рамке, поведение партнера в кризисной ситуации перестает быть неожиданным и не интерпретируется как отступление от партнерства.

Условия работоспособности формата вытекают из его назначения. Первое: ограничение повестки проектным и экономическим измерением. Вынесение на обсуждение вопросов внутриполитической легитимности сделало бы формат неработоспособным, поскольку именно по ним позиции несовместимы. Второе: регулярность вне зависимости от наличия кризиса, поскольку назначение формата состоит в предварительном выявлении расхождений, а не в их урегулировании. Третье: отсутствие обязывающих решений по итогам, поскольку принятие обязательств по третьим странам противоречило бы принципу стратегической автономии, на который опирается индийская сторона [12].

Стоит отметить ограничения данного формата. Он не устраняет расхождений и не предотвращает их возникновения, а меняет условия, в которых расхождение становится известным сторонам. Кроме того, его учреждение требует согласия третьего государства, для которого участие в трехстороннем механизме с участием двух внешних держав может быть политически затруднительным. Реализуемость предложения тем самым зависит от обстоятельств, находящихся вне двусторонних отношений.

Заключение

Проведенный в статье анализ позволяет сформулировать три основных положения.

Во-первых, в региональных кризисах, затрагивающих проекты длительного цикла, Россия воспроизводит модель технократического нейтралитета, содержание которой составляют продолжение исполнения обязательств, сохранение контакта со всеми политическими силами и отказ от публичной оценки легитимности власти. Модель подтверждена на двух случаях, различающихся по характеру конфигурации, и следует из структуры интересов, задаваемой длительностью принятых обязательств.

Во-вторых, модель не является исключительно российской и применяется индийской стороной в похожих условиях, что подтверждается ее позицией в Мьянме. Это опровергает предположение о том, что технократический нейтралитет представляет собой особенность российского внешнеполитического поведения.

Наконец, источником расхождений между Россией и Индией выступает не применение модели, а асимметрия интерпретационных рамок. При совпадении рамок последствий для двусторонних отношений не возникает, при несовпадении расхождение возникает независимо от содержания российской позиции. Управляемым при этом является не выбор позиции, а момент выявления расхождения, что определяет назначение предлагаемого формата «2+1».

Литература

1. АЭС «Руппур»: материалы о ходе сооружения // Атомная энергия 2.0. – URL: https://www.atomic-energy.ru/Ruppur (дата обращения: 18.08.2026).
2. Боднар И. И. Участие России в региональном сотрудничестве в Южной Азии / И. И. Боднар // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 8. – С. 314-325.
3. Захаров А. И. Региональные аспекты российско-индийских отношений / А. И. Захаров // Вестник Института востоковедения РАН. – 2018. – № 6. – С. 109-115.
4. «Росатом» произвел пуск первой атомной электростанции в Бангладеш // Инжиниринговый дивизион госкорпорации «Росатом». – 2026. – 28 апреля. – URL: https://ase-ec.ru/for-journalists/news/2026/ap/rosatom-proizvel-pusk-pervoy-atomnoy-elektrostantsii-v-bangladesh/ (дата обращения: 18.08.2026).
5. Российско-индийские отношения в широком геополитическом контексте: доклад № 92/2024 / А. В. Кортунов, Т. Саймон и др.; под ред. Ю. Ю. Мельниковой, С. М. Гавриловой. – М.: НП РСМД, 2024. – 52 с.
6. Россия и Мьянма подписали межправительственное соглашение о строительстве атомной станции малой мощности // Атоммедиа. – 2025. – 4 марта. – URL: https://atommedia.online (дата обращения: 18.08.2026).
7. Beyond Naypyidaw: India's Myanmar Policy at a Strategic Crossroads // Observer Research Foundation. Expert Speak. – 2026. – 17 June. – URL: https://www.orfonline.org (дата обращения: 18.08.2026).
8. Buzan B. Regions and Powers: The Structure of International Security / B. Buzan, O. Wæver. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 596 p.
9. EAM Dr S. Jaishankar Says Myanmar Lies at Confluence of India's Three Key Foreign Policy Priorities // News on AIR. – 2026. – 4 March. – URL: https://www.newsonair.gov.in (дата обращения: 18.08.2026).
10. Gottschlich P. New Developments in India-Myanmar Bilateral Relations? / P. Gottschlich // Journal of Current Southeast Asian Affairs. – 2015. – Vol. 34, no. 2. – P. 139-163.
11. Hall I. Multialignment and Indian Foreign Policy under Narendra Modi / I. Hall // The Round Table. – 2016. – Vol. 105, no. 3. – P. 271-286.
12. O'Donnell F. India's Multi-Alignment Management and the Russia-India-China (RIC) Triangle / F. O'Donnell, M. Papa // International Affairs. – 2021. – Vol. 97, no. 3. – P. 801-822.
13. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy / G. Rose // World Politics. – 1998. – Vol. 51, no. 1. – P. 144-172.

Technocratic neutrality: russia's behavioural model in regional crises and its costs for the russian-indian partnership

Bodnar I.I.

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

The article identifies a model of Russian behaviour in regional crises affecting long-cycle projects, designated as technocratic neutrality: refusal to support any side of a domestic political conflict in favour of preserving project commitments to the state irrespective of the character of the ruling regime. The model is tested against two cases: the political crisis in Bangladesh in 2024 and Russia's engagement with Myanmar. Russian conduct in both cases is shown to be identical, whereas the consequences for relations with India differ. The source of divergence is found to lie not in the model itself but in an asymmetry of interpretive frames: divergence arises when one party views a situation through project commitments while the other views it through categories of national security. The «2+1» format is proposed as a mechanism for identifying such asymmetry before a crisis occurs.

Keywords: technocratic neutrality, managed divergence, Russian-Indian relations, Bangladesh, Myanmar, «2+1» format.

References

1. Rooppur NPP: Materials on the Progress of Construction // Atomic Energy 2.0. – URL: https://www.atomic-energy.ru/Ruppur (date of access: 18.08.2026).
2. Bodnar I. I. Russia's Participation in Regional Cooperation in South Asia / I. I. Bodnar // Social and Humanitarian Knowledge. – 2025. – No. 8. – P. 314-325.
3. Zakharov A. I. Regional Aspects of Russian-Indian Relations / A. I. Zakharov // Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. – 2018. – No. 6. – P. 109-115.
4. Rosatom Launched the First Nuclear Power Plant in Bangladesh // Engineering Division of Rosatom State Corporation. – 2026. – 28 April. – URL: https://ase-ec.ru/for-journalists/news/2026/ap/rosatom-proizvel-pusk-pervoy-atomnoy-elektrostantsii-v-bangladesh/ (date of access: 18.08.2026).
5. Russian-Indian Relations in a Broad Geopolitical Context: Report No. 92/2024 / A. V. Kortunov, T. Simon et al.; eds. Yu. Yu. Melnikova, S. M. Gavrilova. – Moscow: RIAC, 2024. – 52 p.
6. Russia and Myanmar Signed an Intergovernmental Agreement on the Construction of a Small Nuclear Power Plant // Atommedia. – 2025. – 4 March. – URL: https://atommedia.online (date of access: 18.08.2026).
7. Beyond Naypyidaw: India's Myanmar Policy at a Strategic Crossroads // Observer Research Foundation. Expert Speak. – 2026. – 17 June. – URL: https://www.orfonline.org (дата обращения: 18.08.2026).
8. Buzan B. Regions and Powers: The Structure of International Security / B. Buzan, O. Wæver. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 596 p.
9. EAM Dr S. Jaishankar Says Myanmar Lies at Confluence of India's Three Key Foreign Policy Priorities // News on AIR. – 2026. – 4 March. – URL: https://www.newsonair.gov.in (дата обращения: 18.08.2026).
10. Gottschlich P. New Developments in India-Myanmar Bilateral Relations? / P. Gottschlich // Journal of Current Southeast Asian Affairs. – 2015. – Vol. 34, no. 2. – P. 139-163.
11. Hall I. Multialignment and Indian Foreign Policy under Narendra Modi / I. Hall // The Round Table. – 2016. – Vol. 105, no. 3. – P. 271-286.